

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КЛАСС ПЕРЕЖИВАЕТ КРИЗИС

Василий Щипков

Сторонники радикального протеста впали в задумчивость. Революционный класс переживает кризис.

Революционный класс – явление, возникшее в начале эпохи Просвещения, когда утвердилась идея о том, что история человечества развивается прогрессивно и что ее главной движущей силой является разрушение традиции, позже названное революцией. Революционный класс – это «новые», «прогрессивные», «передовые» люди, которые взяли на себя роль всадников истории Нового времени.

Первоначально его формировали люди из наиболее благородных, образованных и богатых сословий. Но помимо власти над вещами и людьми новый класс захотел власти над умами и душами. Его представители претендовали на духовную власть и роль новых религиозных лидеров общества. Они утверждали новые ценности, призывали общество поклониться новым богам (богам науки, рациональности, прогресса, свободы и других идей) и поэтому были так одержимо негативно настроены к «старым» религиям.

Революционный класс был обществом неформальным и добровольным, но обладал жесткими внутренними правилами и жил по новой заповеди – хорошо все то, чего желает прогрессивная История. С тех пор эти люди стали ощущать себя элитой элит, кругом избранных, служащих в пантеоне прогрессивных идей. Они оказывали колоссальное влияние на умы.

На них равнялись, им подражали и к ним примыкали многие – от дворян, революционного духовенства (типа Ж. Мелье), до предпринимателей, мелких служащих и людей незнатных. Примыкали, чтобы тоже почувствовать себя духовными предводителями общества, жрецами современности. За этот статус революционный класс держится до сих пор.

В настоящее время в России интересы революционного класса на арене публичной политики представляет несистемная оппозиция.

Проблемы в российской несистемной оппозиции последние годы объяснялись двумя причинами – отсутствием единого лидера, объединяющего все протестные силы, и отсутствием единой идеологической платформы.

Но вот появился известный протестный лидер. В общих чертах сформулирована и программа протеста, она не имеет законченного выражения, но интуитивно ясна всему революционному классу – сломать существующую властную вертикаль. Присутствуют и столь необходимые при этом эмоциональность, расчет и цель: направить историю по нужному вектору, сделать ремейк 1990-х в продвинутом исполнении, испытать пять минут счастья.

Еще удастся кое-как сдерживать накачивающиеся и затмевающие разум эмоции, ждать, сохранять упорство, продолжать идеологический прессинг на умы, ждать ошибок власти и благоприятных условий для выступления. Казалось бы, немного терпения, и однажды планы должны осуществиться, ведь раньше так всегда и было.

Но этого не произойдет.

Современный революционный класс духовно состарился и разучился мечтать и воодушевляться. Он всегда мыслил технологично и демонстрировал рациональность, но сегодня его технологии уже не служат большой мечте и образу большого желанного будущего. Подчинение технологий лишь инстинктам самосохранения и наживы превращает мечтателей, революционеров и технологов – в технократов.

Поговорите с молодым или со старым человеком, который сделал осознанный мировоззренческий выбор в пользу «революционного класса», духовно примкнув к нему. Его глаза излучают намного меньше света и оптимизма, чем у его предшественников. Они светят тускло, неуверенно, а внешний оптимизм скрывает глубокое внутреннее сомнение.

Сегодня эти глаза похожи не на глаза пророка или, пусть даже, мечтательного циника, а на глаза менеджера по продажам – они смотрят прямо, но с пронзительной пустотой, без искры внутренней веры. Речь революционера состоит из напряжения и риторических фраз-клише, она утомляет самого говорящего. Современная протестная мысль живет в скуке, если не сказать моральной и эмоциональной безысходности и скрытой депрессии.

Ирония и агрессивность – главные усилители вкуса современного протестного дискурса, которые, как сахар и соль, используются повсеместно и обильно. Но усиливать уже нечего, на зубах грустно хрустит одна пустая сладкосоленость.

Раньше революционер задавал тон частной и общественной беседы (дискурса), доминировал в ней и был вальсяжным от того, что обладал ярлыком на княжение от самой Истории с правом задавать и менять правила по собственной воле. Он был и законодатель, и судья, поэтому мог по ситуации менять правила, выносить суждения и подписывать приговоры, как того хотела История и как того желал он сам. Дух абсолютизма с внутренним авторитаризмом и деспотизмом вышел из сверженных монархий и вселился в революционный класс.

Даже современные протестующие наследуют этот стереотип поведения, они хотят видеть себя власть имущими, причем власть элитарную, духовную. Когда-то Раскольников говорил: «Право имею». Революционеры это же стремление души выражают словами: «Мы здесь власть». Но нет уже внутренней уверенности в этих словах.

До революционного класса дотронулось то начальное сомнение, которое еще не увело его в самокопание и философию, но уже отравило и десакрализовало его самоуверенность. Теперь революционер как-то по-особенному напряжен. Он опасается и предчувствует, что История, так послушно повиновавшаяся ему последние столетия в борьбе против традиции, может однажды взбунтоваться против своего собственного всадника. Его слова теряют уверенность, блеск и внутреннюю силу. «А что, если История вдруг выбросит меня из седла?»

Революционер (прогрессивный человек) теряет свою мистическую ауру и, может быть, впервые за столетия лишается тайны и силы, перестает внушать страх и уважение. Независимо от сферы деятельности и носимых политических взглядов, он по-прежнему деспотичен и нетерпим в суждениях, но его властность уже не магнетизирует окружающих. Его боги перестают ему помогать, наступает тот трагический момент, когда он становится им не нужен.

Его роль духовного и эмоционального центра общественной жизни выглядит уже не так убедительно. Он замыкается в себе, впервые за столетия приближается к необходимому и столь пугающему внутреннему разговору с самим собой, и маргинализуется. Это страшный процесс для революционера, он обнажает внутреннюю пустоту, отсутствие мечты, без которых нет и оправдания собственному существованию.

Во имя какой высокой мечты осуществлять революцию?

Обоснование протестов в России сегодня строится на частных раздражающих факторах – на личной, иррациональной неприязни к некоторым политикам и чиновникам и на бытовых проблемах. Перечень протестных тем, которые призваны выводить людей на площади, известен (Сирия, Крым и

санкции, выборы, плохие дороги и реновация, обманывают и воруют, неправильная история, неправильная реальность и невозможно терпеть).

Каждая из этих тем – потенциальный повод для недовольства, но не причина революции. Бесконечно расширяясь, этот список эмоциональных штампов не становится мощнее и не вызывает атмосферу деятельного бунта, не формирует революцию. Почему?

Потому что для революции нужна нереализуемая на практике, но сильная мечта – утопия.

Революция не только меняет властные элиты, она, как правило, предлагает новую модель общества, основанную на новых общественных ценностях. Революции зреют задолго до их осуществления и сначала происходят в области философии и культуры. Идеи, приведшие к Французской революции, начали обсуждаться в обществе по меньшей мере за сто лет до нее.

Атмосфера 1917 года была описана Достоевским и Лесковым. Культурные процессы, приведшие к перестройке в СССР, начались во второй половине 1960-х годов. Каждый раз действовала своя сильная утопия – свободы, справедливости, западного образа жизни.

Утопия – сверхагрессивная идея, которая становится частью мышления людей и управляет их мотивацией вплоть до готовности жертвовать собой.

Утопическое сознание – это сознание Нового времени. Это модель религиозного сознания в секулярную эпоху, которое обращено не в потусторонний, а в наш, земной мир. Утопия – это мечта о земном рае. В утопическом сознании рождается идея прогресса, хилиастическая и религиозная по своей сути, которая утверждает, что совершенствование технологий и человека, а также труд многих поколений однажды приведет потомков к царству благоденствия, даже к вечной жизни и вечному счастью в нашем материальном мире.

Функция революционного, утопического сознания – корректировать представление о земном рае таким образом, чтобы оно постоянно катастрофически не совпадало с окружающей реальностью: поскольку реальный мир в отличие от небесного меняется, то и образ земного рая постоянно должен меняться, чтобы всегда оставаться одинаково недостижимым, желанным и мотивирующим.

Утопии заставляют историю развиваться по траектории от одной революции к другой. Утопии, таким образом, создают определенную модель истории, в которой революции являются ее смысловым фундаментом, а революционный класс – ее главным действующим персонажем.

Есть ли сегодня такая утопия, которая побуждает людей жертвовать собой и совершать революции? Можно сказать категорично: такой утопии нет.

Футуристическая литература, трансгуманистические концепции, научные планы и фантазии в области высоких технологий – утопиями не являются, потому что они не являются реальной мотивирующей силой ни моего, ни вашего сознания.

Утопия должна лежать на поверхности и являться разумеющейся целью, ее не ищут и не придумывают, только описывают и изображают, утопии рождаются сами из секулярной культуры. А если об утопиях рассуждают, значит, наступил кризис утопического сознания. Причина – не в постмодерне (кризисе модерна), а в кризисе и демонтаже Просвещения как проекта, конце светскости и вхождении общества в постсекулярную эпоху.

Цветные революции, скорее, подтверждают, чем опровергают тезис о кризисе утопического сознания, потому что эти «революции» не двигают историю, не порождают принципиально новое социальное бытие, но лишь сохраняют существующий статус-кво доминирующего миропорядка, являются его партнерами и действуют по его правилам. А революционный класс, который их совершал и осмысливал, чувствует, что не опережает ход исторического времени, а с отставанием пытается его догнать.

Революция – это форсированное воплощение утопии любыми средствами. Чем ярче утопия, тем решительней и жестче действуют революционеры. Уверенность в неизбежности будущего давало им чувство морального превосходства. Но однажды, с ослаблением утопий, это чувство изменило революционному классу.

Ощущение будущего переходит к другим людям. Но они не называют себя революционерами.